

ГОВОРЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

В статье рассматривается проблема человеческого начала в языке как одного из приоритетных принципов научного исследования, который поставил в центр своих научных изысканий языковую личность и исследование ее роли в формировании языковой картины мира. Исходным постулатом данного ракурса рассмотрения языковых явлений является признание «способности говорящего присваивать себе язык в процессе его применения», который обозначен в языке как его «субъективность» и высшее проявление антропоцентрического принципа.

Ключевые слова: антропоцентрический принцип, субъективность, говорящий человек, языковая личность, диада «я–ты», дейксис, личные местоимения

Основной точкой отсчета в описании речевого общения на любом языке является субъект речи – говорящий человек (*homo loquens*), без которого не может иметь место ни один речевой акт. Любое высказывание содержит информацию о некотором фрагменте реальной или воображаемой действительности, осмысливаемой говорящим. Причем эта информация о внеязыковой действительности, отражаемая в семантике используемых языковых единиц, неотделима от личности, сознания и воли говорящего.

Говорящий человек Я как языковая личность и автор высказывания рассматривается в лингвистике как уникальный субъект, сочетающий в себе все аспекты антропологического подхода к языку. Языковая личность, воспринимаемая как лицо, индивид, реализует себя в языковой деятельности, имеющей целью концептуализацию окружающей действительности и передачу ее результатов через коммуникацию адресату. В языковой деятельности выявляются основные закономерности построения когнитивно-коммуникативных стратегий говорящего, лежащие в основе передачи им индивидуального знания.

Роль субъекта в процессе познания и коммуникации чрезвычайно велика и общепризнанна. Субъект одновременно может познавать окружающую действительность и быть объектом собственного познания. Творческая активность субъекта проявляется не только в том, что он по-разному репрезентирует реальную действительность, но и в том, что он может при этом выполнять различные функции, выступая в разных ролях, разных ипостасях, из которых, в частности, следует выделить следующие как наиболее яркие и общепризнанные: роль субъекта познания, субъекта восприятия, субъекта сознания, субъекта речи и субъекта дейксиса. Так, говорящий субъект Я объективируется и в языке, и вне его, отражая мир и одновременно творя его для себя и для «другого» (слушающего, собеседника).

Речевая деятельность субъекта состоит как в творческом осмыслении действительности, так и «в творческом преобразовании континуального многомерного представления о действительности в его дискретный двухмерный (линеаризованный) образ – текст. Механизм компоновки, «упаковки» информации требует учета многих факторов, в частности, квалификации событий по важности, новизне, желательности, близости и т.п. как в отношении *себя*, так и в отношении *слушающего*» (выделено нами. – Е.Е.). Наконец, необходимым условием успешного речевого акта является «актуализация в мозгу слушающего той модели действительности, которую имеет в виду говорящий» /Кибрик, 1980: 326/. Это означает, что автор высказывания (говорящий), производя его, должен соотносить свою речевую деятельность с вероятной речевой деятельностью слушающего. Как подчеркивает М.М.Бахтин, «явление понимания предполагает два сознания, два субъекта, понимание всегда в какой-то мере диалогично». Ученый полагает, что ответное понимание адресата предвосхищается автором высказывания. Другими словами, соотношение «коммуникативных деятельностей» партнеров по общению в речевом акте есть не что иное, как координация: «ни одно словесное высказывание вообще не может быть отнесено на счет одного только высказавшего его: оно продукт взаимодействия говорящих, и шире – продукт всей той сложной социальной ситуации, в которой высказывание возникло» /Бахтин, 1995: 78/.

Располагая всеми ресурсами языка, говорящий субъект Я каждый раз в единовременном, конкретном речевом акте сверяет свое отношение с реальностью «я - здесь - сейчас» как некоторой системой координат и таким образом актуализирует свое положение в пространстве и во времени. Формируя свой собственный мир, вовлекая в него в процессе общения других лиц и, в первую очередь, слушающего – ТЫ как «другое Я» (*alter ego*), говорящий субъект Я как языковая личность создает необходимые условия для реализации своих коммуникативных намерений.

Ю.С.Степанов в феномене «расслоения Я» видит истоки прагматики: а) элементарная часть этого расслоения – «локация Я» в пространстве и времени, б) более сложная часть – «локация Я» как субъекта речи в отношении к акту говорения и в) «локация Я» в отношении к его внутреннему Эго, которое знает цели говорящего и его намерения» /Степанов 1985: 375/. Примечательно, что в лингвистической литературе часто встречается мнение о том, что прагматика начинается с того момента, когда *категория субъективности* признается языковой категорией, а язык – антропоцентричной семиотической системой, т.е. когда начинает учитываться фактор говорящего субъекта.

В современной лингвистике давно уже утвердилось положение о том, что передаваемое личными местоимениями Я и ТЫ значение связано с выражением понятий «уникальности», «субъективности», «индивидуализации». Как известно, впервые это положение было представлено в работах В. фон Гумбольдта, который связывал понятие «я» с осознанием личности, индивида

/Гумбольдт, 1984/. Аналогичную точку зрения находим у Э.Бенвениста, для которого личные местоимения явились той опорной точкой, на которой основывалась развиваемая им теория субъективности в языке. Один из основных постулатов этой теории выражается в следующем: «Идентифицируя себя как единственное лицо, произносящее «я», каждый из говорящих поочередно становится «субъектом»... Это свойство и лежит в основе индивидуальной речи, когда каждый говорящий как бы берет язык для личного пользования» /Бенвенист, 1974: 288/. По определению Ю.С.Степанова, «Я» – это высшая степень индивидуализации, которая может быть достигнута средствами языка» /Степанов, 1981/.

Субъективность есть фундаментальное свойство языка, вытекающее из функций языка по отношению к мышлению, сущность которого состоит в различении и противопоставлении мыслящего субъекта и объектов мысли /Гумбольдт, 1984/. Субъективность языка predetermined антропоцентрическим принципом организации языка, который и является высшим проявлением субъективности языка. Вышесказанное восходит к идеям Б.Рассела и Э.Гуссерля, которые впоследствии нашли отражение в разработанной Э.Бенвенистом концепции /Бенвенист, 1974: 259-327/ и получили дальнейшее развитие, в частности, в трудах /Степанов, 1981; 1985; 1998/.

По Ю. С. Степанову, естественные языки, имея знаковую природу, реализуют три семантические модели: 1) язык только с семантикой; 2) язык с семантикой и синтактикой; 3) язык с семантикой, синтактикой и прагматикой /Степанов, 1985: 281/. И в каждой из этих парадигм теории языка субъективность как способность говорящего представлять себя в качестве субъекта раскрывается по-разному.

В семантической парадигме, представляющей философию имени, «я» предстает как «мое я», как имя, которым я сам себя называю, имя конкретного лица, конкретного человека. В этой парадигме «я» выступает в денотативном значении. Семантико-синтаксическая парадигма (парадигма предиката) выбирает говорящего субъекта «я» в качестве некоторой точки отсчета. «Я» тяготеет к предикату и одновременно присутствует и как «излучатель речи», и как «некоторая усредненная координата» носителя языка вообще. «Я» оказывается связанным членом парадигмы предиката и выявляет при этом прежде всего структурное значение.

Языки, имеющие классы эгоцентрических слов – это языки третьего типа, ориентированные на личность говорящего. Поэтому, по Ю.С.Степанову, подлинную реальность «я» обретает в философии эгоцентрических слов, создавая новую семантическую парадигму. При этом возникает оппозиция «ego» – «alter ego»: где «...другое Я – также «чистое Я», которое не нуждается ни в чем для того, чтобы существовать; оно также абсолютно существует, как существует «мое я» для меня». Аналогичная картина и для слов *я здесь, сейчас, это* (выделено нами. – Е.Е.) и др., особенность которых заключается в том,

что каждый человек в каждом акте речи может понимать их по-разному: «Любой человек, обозначенный в каких-то актах речи как «ты», «он» и т.д., в своих собственных актах неизменно выступает как «я», и от этой точки соответственно отсчитываются значения «здесь», «сейчас», «это» и все подобные» /Степанов, 1985: 208/.

Итак, субъективность в языке есть способность человека «присваивать себе язык в процессе его применения», определяя одновременно самого себя как Я. В процессе коммуникации каждый из говорящих поочередно становится «субъектом», идентифицируя себя как единственное лицо, произносящее Я. Однако осознать себя как Я говорящий может только в противопоставлении, в силу чего Я конституирует другое лицо, которое, будучи абсолютно внешним по отношению к Я, предстает как Ты. Оба эти термина находятся в отношениях взаимодополнительности и взаимообратимости, и именно в реальности их диалектического единства кроется языковое основание субъективности. Таким образом, опорной точкой субъективности в языке и главной сферой ее проявления в языке являются личные местоимения Я и ТЫ. От этих местоимений «зависят» другие классы указательных слов, указательные местоимения, наречия, прилагательные, которые организуют пространственные и временные отношения вокруг «субъекта», принятого за ориентир. При этом «здесь» и «сейчас» ограничивают непосредственно данные место и время, тождественные по положению в пространстве и во времени с речевым актом, содержащим «я» /Бенвенист, 1974: 237/.

О роли субъекта в языке говорится во многих лингвистических работах. Наиболее выразительными в этом отношении представляются следующие высказывания лингвистов, занимающихся, в частности, и проблемами изучения человеческого фактора в языке в разных аспектах. Если «исследование может быть посвящено одному слову и вместе с тем отражать широкие системы и их многоаспектные комплексы, представленные в данной ‘точке’» /Бондарко, 1991: 33/, то этим словом в таком языке будет «я» – первая и главная координата говорящего, позволяющая построить высказывание ‘здесь и сейчас’ и создать один из возможных миров: интенциональный мир Я, мир пропозициональных установок говорящего субъекта Я. Это мир, в котором любой носитель языка имеет «возможность наблюдать говорение и общение других носителей со стороны – это в зародыше явление метаязыка, связанное с ‘пропозициональными установками’ и с ‘прагматикой’ в целом» /Степанов, 1985: 308/. Реальность, действенность интенционального мира Я, о котором говорится выше, дана нам в речевых актах, в тех речевых действиях, которые объединяют интенцию и конвенцию и происходят при непосредственном интерактивном взаимодействии участников коммуникации и речевого акта – Я и ТЫ.

Основой формирования этих интенциональных миров является *дейксис* как универсальное средство референции, служащее основанием для интер-

претации всех других ипостасей говорящего субъекта. Примечательно, что Э. Бенвенист называет субъективностью, «субъективностью в языке» понятийную сферу, соответствующую дейктивности.

Дейктические единицы, локализуя предметы, события, явления и самого субъекта во времени и пространстве, задают наиболее общие (универсальные) рамки концептуальной системы, ее исходные концепты. В этом процессе роль всех дейктических языковых средств и, в частности, личного местоимения «я» как основного средства аутореферентной номинации трудно переоценить. Говорящий Я, будучи центром функционально-семантической категории личности, выступает абсолютным содержательным центром данной системы и исходной точкой отсчета, по отношению к которой определяются все остальные «персональные» значения.

Категория личного дейксиса представлена словами, характеризующими лица по той роли, которую они выполняют в речевом акте: говорящий (субъект речи), слушающий (адресат) и лицо, не участвующее в акте речи (ср. термин «не-лицо» Э. Бенвениста). При этом заметим, что обозначение участника речевого акта возможно лишь с одновременным указанием его роли в речевом акте. Указание на лицо образует в языках самые разные структуры. Вместе с тем противопоставление личных местоимений, указывающих на говорящего и слушающего, видимо, можно считать универсалией в сфере личного дейксиса. Значимость данного противопоставления для человеческого языка трудно переоценить: «в наличии диады «я–ты» получает наиболее абстрактное выражение главнейшая, коммуникативная функция языка, так как эта диада представляет собой ячейку, с которой начинается общение, круговорот речи, осуществляется использование системы языка в живой речи. Само собой разумеется, что эта диада рассматривается как порожденная обществом и существующая в его пределах» /Слюсарева, 1986: 96-97/.

При типичном акте коммуникации, канонической речевой ситуации участники находятся в одной и той же пространственно-временной ситуации. Кроме того, типичная ситуация высказывания носит эгоцентрический характер – ведется от первого лица. В ходе беседы, в процессе речевого акта роль говорящего переходит от одного участника к другому, при этом Я употребляется каждым говорящим по отношению к самому себе, а ТЫ – по отношению к слушающему. По мере включения в разговор разных собеседников, их роли постоянно меняются, и тем самым каждый раз меняется, смещается центр пространственно-временной координации ситуации общения, центр дейктической системы. Так, категория лица «оказывается в наибольшей степени зависящей от выбора говорящего, точнее воплощающей этот самовыбор самим фактом существования говорящего и произносимой им речи» /Слюсарева, 1986: 9/.

Микросистема личных местоимений как главная сфера проявления субъективности в языке и основное средство языкового обозначения

«Я-субъекта» занимает в структуре любого языка особое место. Представляя собой одну из самых ярких языковых универсалий и привлекая к себе внимание на всем протяжении развития научной мысли о языке, местоимения продолжают оставаться одним из центральных объектов исследования в современной лингвистике. Неослабевающий интерес к этому классу слов обусловлен его неоднородностью, а также когнитивно-семантической специфичностью понятия местоименной указательности, не получившей еще исчерпывающего определения, понятия, которое позволяет отразить чрезвычайно важные черты местоименной семантики. Между тем установление когнитивно-прагматических закономерностей языкового обозначения «Я-субъекта» с учетом человеческого фактора меняет сложившееся представление об особенностях функционирования данного класса слов.

Поскольку рамки настоящей статьи не позволяют более подробно представить языковые особенности местоименной лексики, ограничимся здесь вышесказанным и еще раз подчеркнем, что перспективность исследования класса местоимений с позиций когнитивной лингвистики трудно переоценить, ввиду их непосредственной связи с речевой ситуацией и говорящим человеком как центром коммуникации, способным представлять себя в качестве субъекта речи. Когнитивная парадигма позволяет наиболее полно раскрыть ценность деятельностного подхода к мышлению и знанию и заключается в том, что «знание человека рассматривается как продукт мыслительной деятельности познающего и осваивающего бытие конкретного *индивида* и позволяет ему создать свою собственную картину мира» /Леонтьев, 1975/. При этом с коммуникативной точки зрения предпосылкой адекватной интерпретации информации получателем (слушающим) служит наличие общего когнитивного пространства с говорящим, что является залогом успешной коммуникации, суть которой при таком подходе состоит в построении в когнитивной системе слушателя таких «моделей мира», которые соотносятся с «моделями мира» говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Человек в мире слова. М.: Изд. Российского открытого университета, 1995.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
3. Бондарко А. В. Семантика лица // *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. СПб.: Наука, 1991.
4. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
5. Ерзинкян Е. Е. Дейкисис слова: семантика и прагматика. Ереван: Издательство Ереванского государственного университета, 2012.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
7. Кибрик А. Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Известия АН СССР: Сер. лит. и языка, т. 39, 1980, № 4.

8. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975.
9. Леонтьев А. А. Психология речевого общения. Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1975.
10. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988.
11. Слюсарева Н. А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М.: Наука, 1986.
12. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975.
13. Степанов Ю.С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР: Сер. лит. и языка, т. 40, 1981, № 4.
14. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985.
15. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998.
16. Fillmore Ch. Subjects, speakers and roles. Semantics of natural languages. Dordrecht: Riedel Publishing Company, 1972.

Ե. ԵՐԶՆԿՅԱՆ – *Խոսողը՝ որպես լեզվակիր անհատ.* – Հոդվածը նվիրված է ժամանակակից լեզվաբանության առաջնային խնդիրներից մեկին՝ խոսող անհատի ուսումնասիրությանը: Քննվում է լեզվակիր անհատի դերը աշխարհի լեզվական պատկերի, ինչպես նաև իր իսկ անհատի սեփական աշխարհի պատկերի ձևավորման հարցում: Այս մոտեցումը, որը լեզվաբանության մեջ հայտնի է որպես «սուբյեկտիվություն», հոդվածում դիտարկվում է որպես մարդակենտրոն սկզբունքի բարձրագույն դրսևորում:

Բանալի բաներ. մարդակենտրոն սկզբունք, սուբյեկտիվություն, խոսող, լեզվակիր անհատ, «ես – դու» դիադա, ցուցայնություն, անձնական դերանուններ

Y. YERZNKYAN – *The Speaker as ‘Linguistic Personality’.* – The paper focuses on linguistic personality from the perspective of cognitive and communicative linguistics. It considers some questions concerning the notion of subjectivity in language, i.e. the expression of *self* and the representation of a speaker's perspective in discourse. Acknowledging that subjectivity in languages arises from indexicality, special attention is drawn to deixis and deixisability as one of the main linguistic realizations of subjectivity reflecting the growing attention in linguistics to the anthropological principle.

Key words: anthropocentric principle, subjectivity, speaker's perspective, linguistic personality, ‘speaker – hearer’ dyad, deixis, personal pronouns